

— Я отказал Кунтину, — сообщил Нил матери.

Он прекрасно понимал, чего на самом деле хотел этот человек. Кунтину не нужен был союзник — ему требовалась послушная игрушка, вещь, которая после долгих лет его большой страсти наконец-то окажется в его руках, лишённая всякой возможности сопротивляться.

Нилу было плевать на его желания. Но сама эта жажда, этот сальный взгляд, эти мысли и обожание, граничащее с одержимостью, вызывали у него лишь ледяное отвращение.

К тому же Нил не питал иллюзий. Кунтин не собирался спасти семью Кеннетов. Напротив, весьма вероятно, что именно он приложил руку к тому, чтобы столкнуть их в бездну. Его жадность, амбиции и гнилое нутро всегда были слишком очевидны — он даже не пытался их скрывать.

Нилу не нужно было проводить расследование, чтобы понять: аппетиты Кунтина не ограничиваются «маленьким подарком» в виде него самого. Главной целью всегда были колоссальные богатства Кеннетов.

— Кунтин — всего лишь шакал, пришедший на делёжку добычи. Его словам нельзя верить.

Лилиан вытерла слезы, мгновенно преобразившись обратно в элегантную и холодную госпожу. Она протянула руку и коснулась пальцами сложного воротника сына, поправляя его с аристократичной точностью. Скользя ладонью к его плечу, она ласково похлопала по ткани, а затем снова привлекла Нила к себе, обнимая так, словно он всё ещё был маленьким ребёнком.

Вокруг него разлился аромат её духов.

— Они уже давно обо всём договорились, — голос Лилиан звучал нежно, но в нём сквозила горечь. — Их цель — вековое достояние нашего рода. Нил, нам с ними не сладить. Когда на тебя смотрят тысячи жадных глаз, а благополучие всей семьи держится на силе лишь одного человека, крах неизбежен.

Она коснулась его щеки.

— Впрочем, теперь это не имеет значения. Мы с твоим отцом всегда хотели для тебя только одного — чтобы ты был свободен и в безопасности. Нам больше ничего не нужно. Возвращайся, Нил. Здесь, у дедушки, я под надёжной защитой. Не беспокойся обо мне.

***

Нил шёл по пригородной дороге, а охранник Нодин, ведя лошадей, неспешно следовал за ним с каретой.

Юноша глубоко погрузился в раздумья. Память, которую он считал бесполезным грузом, вдруг ожила, накатив беспокойным потоком. Он вспоминал отца. Глава семьи Кеннетов всегда был строг, но в этой строгости сквозила бесконечная любовь. Несмотря на вечную занятость, все редкие свободные часы он отдавал жене и сыну. Лилиан же и вовсе жила только интересами семьи.

Их забота до сих пор ощущалась почти физически.

Вот отец в безупречном рыцарском костюме. Его большая, сухая и теплая ладонь сжимает мягкую ладошку маленького Нила. Они стоят у белоснежной лошадки, и в глубоких тёмных глазах Кеннета отражается крошечный силуэт сына.

Отец подхватил его под мышки, легко, одним движением поднял и усадил в седло. Лошадь фыркнула, нетерпеливо переступая по траве и помахивая хвостом. Кеннет ласково взъерошил волосы Нила, успокаивая его, боясь, что мальчик испугается. Тяжёлая, горячая ладонь на голове дарила чувство абсолютной защищённости.

Воспоминания прервал звук падающих капель.

Недавнее ясное небо внезапно затянуло свинцовыми тучами. Они поглотили солнце, и на землю упали первые прозрачные капли дождя.

— Молодой господин, прошу вас, садитесь в карету, — окликнул его Нодин.

В эту поездку Нил взял только его, оставив прочих слуг в поместье. Нил словно не слышал слов охранника, продолжая идти под дождём. Он вытянул руку, наблюдая, как брызги разбиваются о ладонь — мимолётные вспышки воды, исчезающие бесследно.

Дождь усиливался. В разрывах туч сверкнула молния, и где-то вдали глухо отозвался гром. Одежда Нила быстро пропитывалась влагой.

— Это всего лишь игра, — прошептал он так тихо, что звук потонул в шуме воды. — Просто игра, которая близится к финалу...

Какая разница, если Кеннетов лишат титулов и земель? Если отца осудят, а Лилиан придётся доживать свой век в доме родителей?

Всё это — лишь иллюзия.

— У любой игры должен быть конец.

Но эта игра длилась слишком долго. Нил ждал финала, но не знал, когда именно занавес

опустится в последний раз.

***

Цокот копыт... Ближе, громче...

Звук скачки смешался с шумом ливня. Всадник приближался стремительно. Грязь летела из-под копыт коня, но у самой кареты всадник резко осадил животное, переходя на шаг.

— Нил.

Хриплый, низкий голос прорезал пелену дождя.

Высокий мужчина преградил Нилу путь. Он спрыгнул с лошади уверенным движением. Его суровое лицо казалось высеченным из камня, короткие каштановые волосы в беспорядке липли ко лбу. Всполохи далеких молний на миг озаряли его фигуру странным ореолом.

Мужчина небрежно откинул промокшие пряди назад, лишь несколько непослушных завитков снова упали на глаза. Резкие, холодные черты лица отчетливо проступали сквозь водяную завесу, а он смотрел неподвижно, и в его темно-зеленых глазах отразился лишь один силуэт.

Нодин мгновенно спешился и встал рядом с Нилом, рука легла на эфес меча.

Нил посмотрел на пришельца без тени эмоций, лишь едва заметно кивнул.

— Чем обязан, господин? — он прикрыл намокшими ресницами синие глаза, которые сейчас казались почти черными.

Мужчина сделал шаг вперед. Его тяжелые сапоги уверенно сминали траву. В его облике читалось странное сочетание суровости и подавленного волнения.

Когда он подошел ближе, Нодин преградил ему путь.

— Господин Цзяи, прошу вас соблюдать приличную дистанцию, — охранник напрягся, клинок со звоном чуть вышел из ножен.

Цзяи словно не заметил угрозы. Он посмотрел сквозь Нодина на Нила.

— Я просто... хотел увидеть тебя, — голос его прозвучал неожиданно неуклюже.

— Понятно, — безучастно отозвался Нил. — Вы меня увидели. Можете идти.

Он развернулся, намереваясь сесть в карету.

— Подожди, Нил, — снова заговорил Цзяи. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

***

Внутри кареты было уютно. Нодин вел лошадей мастерски — даже по размытой дождем дороге экипаж шел ровно, без единого толчка.

Нил сидел на мягких подушках, откинувшись на спинку. Приподняв штору, он смотрел в окно. В пелене ливня виднелся высокий силуэт Цзяи — тот ехал верхом, держась на неизменном расстоянии от кареты.

Вернувшись, Нил первым делом распорядился приготовить ванну. Он медленно разделся и зашел в горячую воду, чувствуя, как она обволакивает тело. После уличного холода конечности мелко дрожали, но вскоре приятное тепло принесло расслабление.

В воздухе клубился пар, пахло розовым маслом. Нил долго смотрел в пустоту, прежде чем дотянуться до столика и взять цепочку, которую он положил туда перед купанием.

«Мой Нил, это подарок от твоего отца».

В глазах Лилиан тогда стояли слезы, но на губах играла нежная улыбка. Она вложила цепочку в его карман и сжала его руку: «Когда вернешься домой и останешься один — открой его».

На золотой цепочке висел круглый кулон. На нем был искусно выгравирован крылатый младенец. Лицо дитя было исполнено очарования: крошечные синие сапфиры на месте глаз, легкая полуулыбка. Работа была тончайшей.

Нил поднял кулон к свету. За крыльями младенца обнаружилась едва заметная щель. Юноша осторожно нажал на нее ногтем, и лицевая часть сдвинулась, открыв тайник. Внутри лежал крошечный ключ причудливой формы и листок бумаги, тонкий, словно крыло цикады.

На нем было написано всего несколько слов. Адрес.

«Человек, которому твой отец доверяет как самому себе, ждет тебя. В Западных Землях стало слишком опасно. Когда доберешься до Восточных Земель, ступай по этому адресу и назови имя отца. Они поймут».

В другой части тайника была вложена крошечная фотография.

Нил помнил тот день. Это было на день рождения Лилиан. Кеннет пригласил фотографа, чтобы сделать семейный портрет.

Они втроем сидели на двух креслах, тесно прижавшись друг к другу. Тепло тех дней, которое Нил считал навсегда утраченным, внезапно захлестнуло его. Тогда они сделали много чопорных, официальных снимков, но Кеннету и Лилиан больше всего понравился именно этот — случайный кадр, пойманный фотографом в момент искренности. Теперь этот снимок, уменьшенный до размеров ногтя, хранился здесь.

«Это и есть любовь», — говорила маленькому Нилу Лилиан, рассматривая ту фотографию. Она кружилась по комнате, и её платье колыхалось на ветру, разнося тонкий аромат маргариток.

На фото молодой и статный Кеннет с распущенными черными волосами чуть склонил голову, глядя на жену и сына долгим, нежным взглядом. Ослепительно красивая Лилиан, чьи золотистые локоны рассыпались по груди, одной рукой в кружевной перчатке сжимала ладонь мужа, а другой крепко обнимала ребенка.

Мальчик в белой рубашке и клетчатом жилете серьезно и бесстрастно смотрел прямо в камеру. Эта детская торжественность в сочетании с мягкими чертами лица и пушистыми волосами делала его невероятно трогательным.

«Мой Нил просто чудо как хорош, — смеялся тогда отец, подбрасывая его в воздух и любуясь тем, что даже в полете личико сына остается невозмутимым. — Эта твоя серьезная мина так и подмывает схватить тебя и взъерошить твои идеальные черные волосы».

Лилиан прижималась к мужу, обнимая обоих своих любимых мужчин, и осыпала их поцелуями.

Нил моргнул, стряхивая наваждение. В дымке пара ему снова почудилась Лилиан — её взгляд, в котором смешались печаль и облегчение.

«Тебя защитят и проводят в безопасное место. Отец подготовил всё заранее. И я тоже».

«Мы молим только о том, чтобы ты был счастлив».

«Уходи, сокровище мое, и не оборачивайся. Эта буря назревала годами. Мы ничего не боимся, кроме того, что ты погрязнешь в этом болоте».

***

Тук-тук.

— Молодой господин, господин Цзяи закончил омовение. Он переоделся и ждет вас в гостиной.

Служанка тихо постучала в дверь ванной.

— Понял.

Нил вышел из воды, небрежно вытерся и накинул приготовленный халат. Когда он открыл дверь, служанка уже стояла рядом с чистой одеждой в руках.

Юноша мазнул по ней взглядом.

— Ступай. И приведи Цзяи в мою спальню.

Переодеваться он не собирался.

Нил жил в Западных Землях уже больше десяти лет. Слово душа взрослого была заперта в теле ребенка, которое росло день за днем. Всё это время он оставался бесстрастным, не позволяя эмоциям брать верх. Но именно сейчас в его душе поднялась странная, раздражающая волна. Нежданный и грубый визит Цзяи лишь усиливал это чувство.

Когда Цзяи вошел, Нил всё еще был в халате. Он не сидел с привычной безупречной осанкой, а полулежал на кровати, привалившись к изголовью. Его взгляд был устремлен в окно, подернутый дымкой задумчивости. Между пальцами дымилась зажженная сигарета.

Он поднес её к губам, затянулся и выпустил облако дыма, которое медленно таяло в воздухе.

— Входи. Садись где удобно, господин Цзяи, — не оборачиваясь, бросил Нил.

Цзяи закрыл дверь и сел на стул у кровати. Его взгляд был прикован к юноше. Огромная фигура гостя в маленькой комнате казалась целой горой.

Нил молчал. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь его тихим дыханием и едва слышными звуками, которые издавал Цзяи, судорожно сглатывая слюну.

Цзяи не мог оторвать глаз от изящной шеи Нила, от того, как двигался его кадык при каждой затяжке. Он смотрел на бледную кожу ног, видневшуюся в разрезе халата. Даже щиколотки Нила казались ему верхом совершенства. Ступни юноши спокойно покоились на покрывале, но от одного их вида воображение Цзяи рисовало безумные картины.

Он чувствовал, как в груди закипает жар. Цзяи стиснул ладони на бедрах; вздувшиеся мышцы и вены на его руках выдавали, каких трудов ему стоит это самообладание.

Пепел на сигарете Нила стал слишком длинным. Прежде чем он успел упасть, Цзяи сорвался с места и подставил ладонь, ловя серые хлопья, чтобы они не испачкали одежду или постель Нила.

Только тогда Нил поднял глаза. Он холодно посмотрел на Цзяи, в упор изучая его зеленые зрачки. В них, как в зеркале, отражался силуэт юноши — одновременно знакомый и чужой.

— Потуши.

Нил небрежно щелкнул пальцами, выбрасывая окурок. Цзяи снова поймал его на лету и сжал в кулаке. Прямо в ладони он раздавил тлеющий табак.

Не разжимая пальцев, Цзяи прохрипел:

— Потушил.

Он продолжал смотреть на Нила с фанатичной преданностью.

Глядя на него, Нил невольно вспомнил капризных светских дам, которые заводили себе молодых ручных волчат. Дамы сидели в тени зонтиков на лужайках, заставляя слуг бросать игрушки, чтобы псы бегали туда-сюда им на забаву. А во время отдыха эти звери, тяжело дыша, ластились у ног своих хозяек, замуриваясь от счастья, когда надушенные пальцы касались их шерсти. Казалось, для них в мире не существовало большей награды.

<http://bllate.org/book/17462/1692706>